

Н.П. Таньшина*

**«НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЛЕГЕНДА»
КАК ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ
ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ**

В центре внимания автора статьи — развитие культа Наполеона и формирование «наполеоновской легенды» во Франции периода Июльской монархии (1830-1848). Король Луи-Филипп Орлеанский, вступивший на трон как «король баррикад», стремясь легитимировать собственную власть, легитимировал и Наполеона. Наполеоновская легенда стала, по сути, частью официальной идеологии Июльской монархии. Восстановление статуи Наполеона на Вандомской колонне, превращение Версаля в национальный музей Франции и открытие там Галереи Славы, и, главное, перезахоронение праха Наполеона 15 декабря 1840 г. — все это свидетельства наполеоновского культа. Автор статьи приходит к выводу, что все эти меры не помогли Луи-Филиппу укрепить свою власть, а сравнения с Наполеоном оказались явно не в его пользу.

Ключевые слова: идеология, наполеоновская легенда, наполеоновский культ, Наполеон Бонапарт, Луи-Филипп Орлеанский, Июльская монархия

DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-313-329

Память и забвение — неразделимая пара понятий в истории, в том числе в истории Франции. Все французские режимы после 1815 г. использовали память о Наполеоне для собственной идентификации. Точнее, они принимали то, что им импонировало в его наследии и отказывались от всего им не подходящего. Если современные французские политические элиты стремятся дистанцироваться от имени Наполеона, то в исторической памяти французского народа он — один из популярнейших национальных героев¹.

---

* Наталья Петровна Таньшина, доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС; ведущий научный сотрудник лаборатории Западноевропейских и средиземноморских исторических исследований Государственного академического университета гуманитарных наук.

Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 — 2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

¹ Kern E. Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du premier empire. P., 2016. P. 9.

В свое время в непростой ситуации относительно наследия Наполеона оказался и король Луи-Филипп Орлеанский, занявший престол в результате Июльской революции 1830 г. С одной стороны, его самым горячим желанием было стать равным европейским государям, заставить их забыть о революционном происхождении его власти. С другой – для укрепления режима ему нужна была массовая поддержка внутри страны, охваченной реваншистским пылом. Июльская революция разбредила незаживающую рану, нанесенную национальной гордости французов решениями Венского конгресса 1814—1815 гг. Как отмечал французский исследователь Ф. Дарриула, «Революция 1789 г., прерванная Ватерлоо, возобновила свой ход и никто не сомневался, что этот поток готов все смести на своем пути»². Между тем, широкомасштабные внешнеполитические акции были для Луи-Филиппа неприемлемы: с момента вступления на престол он заявил о своем намерении действовать в рамках «европейского концерта», что предполагало проведение компромиссного и миролюбивого курса.

Июльская революция не только оживила идею реванша, но и продемонстрировала прочность наполеоновского мифа в массовом сознании французов. Более того, после «Трех славных дней» многие сожалели, что на престол взошел не «сын великого Наполеона», а Луи-Филипп³. Знаменитый немецкий писатель и поэт Генрих Гейне, в 1830—1840-е гг. проживавший в Париже, писал: «За пределами Франции не имеют никакого представления о том, как еще сильно привязан к Наполеону французский народ. <...> Наполеон — это для французов магическое слово, которое электризует и оглушает их»⁴.

Легенда начала формироваться уже самим Наполеоном, не случайно его называют первым пиар-менеджером в истории. При жизни Наполеона ее создавала подконтрольная ему пресса⁵, после его смерти – «Мемориал Святой Елены» Лас Каза, навеянный беседами со ссыльным императором и опубликованный в 1823 г. В годы Реставрации «наполеоновская легенда» поддерживалась прежде всего ветеранами Великой армии и писателями-романтиками, но поскольку сторонники Наполеона преследовались, культ

² Darriulat Ph. Les patriotes. La gauche républicaine et la nation. 1830—1870. P., 2001. P. 55.

³ Hazareesingh S. Op. cit. P. 132.

⁴ Гейне Г. Собрание сочинений в 6 тт. М., 1982—1983. Т. 4. С. 37.

⁵ Легенда расцвела вместе с официальным культом императора, навязанным имперским катехизисом, с праздниками Святого Наполеона и бесчисленными Днями благодарения. Но окончательно она сложилась лишь после 1815 г. См.: Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». М., 2012. С. 344.

носил тайный характер, а за восхваление императора можно было угодить в тюрьму⁶.

Эту народную страсть и решил использовать для укрепления режима Июльской монархии «король баррикад» Луи-Филипп, прекрасно понимавший, что, легитимируя Наполеона, он тем самым легитимирует и свою власть.

Политик весьма прагматичный и искавший популярности у народа, особенно в первой половине своего царствования, Луи-Филипп прекрасно понимал, что его отношение к Наполеону могло сказаться и на отношении французов к нему самому. Помимо того, официальный культ Наполеона позволял Луи-Филиппу дистанцироваться от режима Реставрации, который этот культ подавлял⁷. Можно было воспользоваться «наполеоновской легендой» и для затушевывания насущных проблем, стоявших перед Францией. Все годы царствования Луи-Филиппа таким нерешенным вопросом будет реформа избирательной системы.

После 1830 г., особенно после смерти в 1832 г. «Орленка», сына Наполеона, герцога Рейхштадтского, народный бонапартизм всё в большей степени дополнялся официальным наполеоновским культом⁸. Можно сказать, что, по крайней мере, внешне, «наполеоновская легенда» стала едва ли не частью официальной идеологии Июльской монархии. Другое дело, что возрождал эту легенду Луи-Филипп с вполне прагматической целью укрепления собственной власти. Сам по себе он не питал теплых чувств ни к Наполеону, ни к Империи. Наполеоновскую эпоху он пережил в эмиграции и к деяниям Наполеона не испытывал ни малейшего пиетета.

Тем не менее, все прежние препоны для рассказов о делах императора были устранены. Начиная с 1832—1833 гг. одна за другой появлялись книги воспоминаний о годах Империи. Кроме того, над развитием легенды трудились писатели-романтики, зачастую находившиеся в оппозиции к новому режиму. С 1815 по 1850 гг. персона Наполеона занимала представителей всех направлений романтической литературы⁹. Произведения Бальзака, Стендаля,

---

⁶ Подробнее см.: *Hazareesingh S. Op. cit. P. 111-121; Jourdan A. Mythes et légendes de Napoleon. P., 2004. P. 47-73.*

⁷ *Mauduit X. L'Homme qui voulait tout. P., 2015. P. 264.*

⁸ *Ménager B. Napoléon du peuple. P., 1988. P. 356.*

⁹ В 2002 г. фрагменты из книги Дюма наряду с выдержками из сочинений В. Гюго, О. Бальзака и Стендаля вошли в антологию под названием «Наполеоновская легенда»: *La légende de Napoléon vue par Hugo, Dumas, Balzac, Stendal / Choix de textes par G. Gengembre. P., 2002.*

Гюго прославляли его имя. Главный герой «Красного и Черного» Стендаля, Жюльен Сорель, являлся воплощением поколения поклонников культа Наполеона. Зимой 1833 г. появилась пьеса Александра Дюма «Наполеон, или тридцать лет истории Франции». 19 июня 1833 г. в журнале «Литературная Европа» вышел рассказ Оноре де Бальзака «Ночной разговор, или История Наполеона, рассказанная в амбаре старым солдатом». Затем этот текст вошел в книгу «Сельский врач», поступившую в продажу 3 сентября того же года. Выход в свет этого сочинения во многом означал культурную реабилитацию старых солдат, став первым этапом их возвращения в публичную жизнь. Эта реабилитация сопровождалась восстановлением обществ наполеоновских ветеранов, которые получили широкое развитие в Париже и провинции, особенно в 1840-е гг.

Ветераны с удовольствием пели песни П.-Ж. Беранже, который, по словам Жана Тюлара, даже больше, чем Гюго, выступал популяризатором «наполеоновской легенды». Беранже, как и многих других интеллектуалов, наполеоновская эпоха привлекала прежде всего как эпический момент национальной истории. Она воспринималась ими как символ стремления к свободе и во многом противопоставлялась времени Июльской монархии. Можно сказать, что Беранже был вдохновлен на песни об императоре скорее своим неприятием Июльской монархии, нежели восхищением перед Наполеоном. В какой-то степени эти песни, выражавшие ностальгию по «славным» временам императорской Франции, готовили почву для будущего прихода к власти Луи-Бонапарта.

В не меньшей степени культ Наполеона формировали и художники: Орас Верне, Дени Раффе, Николя Шарле и другие. Огромной популярностью пользовались гравюры на дереве, изготавливавшиеся в мастерской семьи Пелерен из Эпиналя¹⁰. Активная роль ветеранов Великой армии в пропаганде легенды обеспечила им привилегированное положение и в изобразительном искусстве¹¹. Картины и гравюры служили наглядной иллюстрацией наполеоновской саги и, более того, обеспечивали иконографию псевдорелигиозного культа Наполеона. Характерна знаменитая литография Беланже, на которой изображен крестьянин, с обожанием рассматривающий портрет императора над своим камином и

¹⁰ Hazareesingh S. Op. cit. P. 78.

¹¹ Ibid. P. 291.

сообщающий своему кюре, что император был для него «всевышним отцом». Интеллектуалы, в частности, польский поэт Адам Мицкевич, поддерживали подобный мессианизм¹².

Не менее популярен был образ Наполеона в театральном искусстве и музыке. В Париже времен Луи-Филиппа шло около девяноста пьес, посвященных Наполеону. В 1830-1840-е гг. Гектор Берлиоз прославил имя Наполеона в своих многочисленных произведениях, в том числе в «Возвращении Итальянской армии», завершающемся кантатой «5 мая, или смерть Наполеона».

С начала 1830-х гг. начинают множиться наполеоновские «места памяти». На протяжении всего «полета Орла» 1815 г., места, связанные с именем императора, стали объектом паломничества его многочисленных приверженцев. Так, владелец таверны «Jacomín de Golfe-Juan», где в марте 1815 г. останавливался император, повесил табличку с надписью: «В моей таверне отдыхал Наполеон. Приходите и вы сюда выпить за него». В 1838 г. этому совету последовал Ф.-Р. Шатобриан, а в дальнейшем и Виктор Гюго. В Гренобле ворота, через которые Наполеон вступил в город в марте 1815 г., превратились едва ли не в главную достопримечательность города¹³.

Простые люди тоже участвовали в этих коммеморациях, размещая памятные таблички на фасадах своих домов. Старый солдат наполеоновской армии Луи Пети, раненый в 1815 г. в сражении при Линьи, пошел еще дальше: у себя в деревне Сен-Рикье (Сона) построил дом в форме двууголки Наполеона¹⁴.

В дальнейшем народный культ Наполеона приобретал все новые формы. Повсюду появились изображения императора. К бюстам и статуэткам, рисункам, тарелкам, табакеркам и прочим безделушкам добавились наручные и настенные часы, лампы, бутылки сидра, стаканы, бумага для писем и конверты, календари, целые наборы посуды и многое другое¹⁵.

В 1831 г. Луи-Филипп подписал ордонанс о восстановлении статуи Наполеона на Вандомской колонне. Когда бывший король Жером, находившийся в Риме, сообщил эту новость матери, уже слепой и немощной, та будто бы заплакала и прошептала: «Импе-

---

¹² Ibid. P. 249.

¹³ Hazareesingh S. Op. cit. P. 250.

¹⁴ Ibid. P. 250.

¹⁵ Ibid. P. 249.

ратор вернулся во Францию»¹⁶. Предыдущую статую Наполеона работы скульптора А.-Д. Шодэ сняли с колонны после вступления коалиционных войск в Париж в 1814 г., заменив ее королевской лилией. Автором нового монумента стал скульптор Шарль-Эмир Сёрр¹⁷. На инаугурации, состоявшейся 28 июля 1833 г., присутствовал король.

В 1834 г произошло еще одно важное событие, вроде бы, напрямую не связанное с наполеоновским культом. Согласно ордонансу Луи-Филиппа, Алжир, это «тягостное наследие Реставрации», был объявлен французской колонией. Король прекрасно понимал, что миролюбивый внешнеполитический курс был не по нраву большинству французов; как отмечал Виктор Гюго, осторожная внешняя политика Луи-Филиппа была «навязана» французскому народу, у которого в гражданских традициях было 14 июля, а в военных традициях — Аустерлиц. Осознавая это, король попытался направить неумную энергию французов в русло колониальной экспансии. На командные посты были возвращены многие военачальники Империи: Султ, Мортье, Себастьяни, Жерар, Клозель, Савари, Вале, Бюжо, с пиететом относившиеся к культу и славе Наполеона и готовые поддерживать завоевательную политику.

С каждым годом культ Наполеона только усиливался. Литографии Верне и Шарле приобрели необычайную популярность. Гренвиль иллюстрировал полные издания песен Беранже, прославляющие Наполеона. А. Мюссе создал настоящую апологию Империи в первых главах «Исповеди сына века». В 1836 г. было закончено строительство Триумфальной арки, начатое еще Наполеоном в 1806 г. Арку украсили барельефы с изображением всех побед Наполеона.

По инициативе Луи-Филиппа Версаль, пустовавший и заброшенный после Революции, решено было превратить в национальный музей Франции и создать там Галерею Славы, для которой лучшие французские художники, прежде всего Орас Верне, написали 33 изображения самых знаменитых побед французской армии, включая одержанные Наполеоном Бонапартом¹⁸. Офици-

¹⁶ Poisson G. *L'Aventure du Retour des Cendres*. P., 2004. P. 20.

¹⁷ В 1863 г. статуя была заменена на копию оригинальной статуи Наполеона в виде римского императора. Статуя Сёрра была установлена на окраине Курбева. Ее затопили в Сене в 1871 г., чтобы она не попала в руки пруссаков. Потом ее подняли со дна и в марте 1911 г. установили в Доме Инвалидов. — *Mauduit X*. Op. cit. P. 259.

¹⁸ *Martin-Fugier A. Louis-Philippe et sa famille*. 1830—1848. P., 2013. P. 106.

альное открытие Версальского музея состоялось 10 июня 1837 г. и было приурочено к свадьбе наследника престола, герцога Фердинанда Орлеанского на немецкой принцессе Елене Мекленбург-Шверинской.

Сразу же после Июльской революции в политических собраниях и прессе стали активно обсуждать идею перезахоронения останков Наполеона. В 1821 г., сразу после его смерти, английское правительство заявило, что рассматривает себя хранителем его «праха» (этот термин использовался самим Наполеоном: «Я хочу, чтобы мой прах покоился на берегах Сены...»). 7 октября 1830 г. вопрос о возвращении останков императора подняли в Палате депутатов: их предложили захоронить под Вандомской колонной. Однако, как гласил протокол заседания, «после короткого обсуждения этого вопроса, палата перешла к текущей повестке дня». В сентябре 1831 г. вопрос был снова поднят в парламенте. Против перезахоронения выступил герой трех революций маркиз М.-Ж. Лафайет, заявивший: «Наполеон подавил анархию. Нельзя, чтобы его прах вновь ее возродил». Но ему возразил генерал М. Ламарк, более известный своими политическими акциями, нежели участием в военных кампаниях: «Смерть не смогла заморозить останки Наполеона». В 1834 г. Берлиоз написал песню на смерть Наполеона. Таким образом, идея получила широкое распространение: оставалось кому-то отправиться на Святую Елену и привезти «славное тело», чтобы исполнить последнюю волю императора и похоронить его во Франции¹⁹. С 1830 по 1839 гг. в Палату депутатов было подано более 30 петиций в пользу возвращения останков, однако Луи-Филипп считал эту акцию преждевременной. Несмотря на то, что ему импонировало называться «Наполеоном мира», в первые годы своего правления он не хотел заходить так далеко.

Однако за десять лет король укрепил свой трон и 1 мая 1840 г., в день национального праздника Июльской монархии – Дня святого Филиппа, принимая в Тюильри своих министров, обратился к главе правительства: «Г-н Тьер, я желаю вам сделать праздничный подарок. Вы хотели привезти во Францию останки Наполеона. Я согласен. Переговорите по этому поводу с британским правительством...»²⁰. 7 мая 1840 г. Франсуа Гизо, посол Франции в Великобритании, получил распоряжение Тьера начать переговоры

---

¹⁹ *Poisson G.* Op. cit. P. 21-22.

²⁰ *Ibid.* P. 32.

с главой внешнеполитического ведомства лордом Г. Дж. Пальмерстоном. В тот же день Гизо встретился с английским министром и получил его согласие. «Вот истинно французская просьба, — написал Пальмерстон брату, дав понять, сколь опрометчивым считал он этот шаг французского правительства. — Но с нашей стороны было бы нелепо отвечать отказом. Поэтому мы решили дать свое согласие как можно скорее и охотнее»²¹.

Почему Пальмерстон так легко уступил французской просьбе? Вероятно, он надеялся отстоять свою позицию в более важном Восточном вопросе, для урегулирования которого Гизо и был направлен в Лондон. «Просьба, — писал Шатобриан, — была выполнена. Какая важность Англии от старых костей?»²². К тому же Пальмерстон полагал, что перезахоронение праха Наполеона только ослабит Луи-Филиппа, дестабилизировав внутреннюю ситуацию в стране и создав немалые затруднения для правительства. По мнению же французского исследователя Ж. Пуасона, Пальмерстон уступил, наоборот, опасаясь роста во Франции реваншистских настроений. По словам историка, со времен Булонского лагеря Лондон жил в состоянии постоянной тревоги увидеть высадку французов на британский берег, то есть в состоянии страха перед нашествием. Новость быстро распространилась по лондонским салонам и достигла ушей Луи-Наполеона, который, будто бы, заявил: «Надо возвращать не прах, а идеи Наполеона!»²³. Однако англичане дали согласие с рядом оговорок. В частности, Лондон настаивал на том, чтобы церемония на Святой Елене была как можно менее помпезной и чтобы в ходе ее не упоминали об «узнике генерале Бонапарте». Тьер в ответ просил англичан оставаться молчаливыми и бесстрастными свидетелями. И, конечно, в церемонии не должны были участвовать родственники Наполеона. Кроме того, Тьер заявил, что гроб обязательно должен быть вскрыт, чтобы не было разговоров о подмене тела, и во время процесса эксгумации должен быть упомянут титул императора. 10 мая стороны подписали соглашение, и английский генерал Миддлмор, губернатор Святой Елены, получил точные инструкции относительно предстоявшей процедуры²⁴.

²¹ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1903. № 12. С. 626.

²² *Poisson G.* Op. cit. P. 33.

²³ *Ibid.*

²⁴ *Ibid.* P. 34-35.

12 мая министр внутренних дел Шарль Ремюза выступил в Палате депутатов с ходатайством о предоставлении одного миллиона франков для транспортировки останков Наполеона со Святой Елены, назвав императора «легитимным государем». Свою речь он закончил словами: «Монархия 1830 года является единственной легитимной наследницей всех государей, которыми гордится Франция. Эта монархия, объединившая все постреволюционные силы и сумевшая примириться с наследием Революции, воздвигла статую (Вандомскую колонну — *Н.Т.*) и свободно чтит память народного героя. Есть одна вещь, которая не боится сравнения со славой — это свобода!»²⁵. Что означало подобное заявление? Заинтригованный король спросил у Ремюза об этом после заседания, однако тот ответил, что он и сам толком не понял, зачем это сказал, но отметил, что его слова произвели большой эффект.

В Палате депутатов была создана комиссия во главе с маршалом Бертраном Клозелем, предложившим удвоить бюджет. Однако ему отказали и утвердили бюджет в 1 млн франков. 5 июня Луи-Филипп подписал этот закон²⁶. Из Лондона Жозеф Бонапарт предложил от себя дополнительный миллион, но его предложение отклонили.

Дискуссию вызвал вопрос о месте захоронения останков. Сначала их хотели упокоить под Вандомской колонной. Потом предлагались Марсово поле или церковь Мадлен, которая, по словам Клозеля, «не принадлежала никому и имела полное право принадлежать только ему». Среди других мест называли Пантеон и Сен-Дени. Шатобриан предлагал похоронить Наполеона под сводом Триумфальной арки, но эту идею сочли слишком языческой; Стендаль — в Сен-Клу. В итоге выбрали Собор Инвалидов. По замечанию А. Журдан, этот выбор символизировал то, что военачальник вновь одержал верх над законодателем и императором²⁷.

Известие о перезахоронении останков Наполеона произвело шоковый эффект на широкую публику, отмечает французский исследователь Г. Антонетти. Страна пришла в состояние патриотической эйфории. Только оппозиция восприняла это известие критически. «Несчастливые! — писала *Nationale*. — Почему вы пытаетесь изменить историю?»²⁸.

---

²⁵ Antonetti G. Op. cit. P. 816.

²⁶ Poisson G. Op. cit. P. 41.

²⁷ Jourdan A. Op. cit. P. 78.

²⁸ Ibid. P. 35.

Но предприятие обернется прежде всего против Тьера, которого активно критиковала как легитимистская, так и республиканская оппозиция. Орган первой, *Gazette de France*, разразилась бурей. Луи-Филипп, держащий в своих руках прах Наполеона — это скандал, вызывающий в памяти слова Екатерины Медичи, сказанные, якобы, после смерти адмирала Колиньи: «Тело врага вызывает приятное чувство». Некий барон Дюкас опубликовал брошюру в весьма ядовитом духе: «Вы намереваетесь воздать честь великому человеку, но великий человек не нуждается в ваших почестях... Вы хотели смыть все свои предательства? Нет и еще раз нет ... вы снова готовы предать...»²⁹.

Доставка тела Наполеона была возложена на третьего сына Луи-Филиппа, Франсуа-Фердинанда, принца Жуанвильского. Он уже с 13 лет был моряком, а с 1839 г. командовал одним из самых красивых кораблей французского военно-морского флота, фрегатом «Бель Пуль». Принц был весьма популярен в обществе; о нем говорили, что этого королевского сына народ видел меньше всех принцев, но знал больше других³⁰. Король сам сообщил сыну о своем решении. Принц так описывал эту сцену: «Если бы я не был в постели, я бы упал, настолько меня поразила разница между военными кампаниями, предпринимаемыми братьями в Алжире, и предлагаемой мне миссией гробовщика в другом полушарии»³¹. Он без энтузиазма воспринял это решение, однако подчинился воле отца: «Я был солдатом и не мог оспаривать приказ», — писал он в своих воспоминаниях. Принц отмечал, что он примирился со своей миссией, воспринимая возвращение праха Наполеона как «возвращение знамени побежденной Франции, которое мы вновь поднимаем, по крайней мере, мы в это верим...»³².

7 июля 1840 г. «Бель Пуль» появился на рейде Тулона с принцем Жуанвильским на борту в сопровождении бывших сотоварищей Наполеона по ссылке: Лас-Каза, Бертрана, Гурго и мамлюка Али. 8 (по другим данным 6-го) октября «Бель Пуль» прибыл в порт Джеймстаун на Святой Елене. В ходе переговоров с английскими властями принцу Жуанвильскому было заявлено, что процедура передачи останков состоится 15 октября. Французский историк Ж. Пуасон подробно описал церемонию открытия гроба,

²⁹ Ibid. P. 37.

³⁰ Ibid. P. 44-45.

³¹ Ibid. P. 43.

³² Joinville, *prince de*. Vieux souvenirs. 1818—1848. P., 2008. P. 180.

в котором Наполеон лежал, будто живой: со спокойным лицом, гладким лбом и нежными руками. Казалось, могила сберегла его молодость, и на него, такого молодого, смотрели его старые, седые, с морщинами на лицах, солдаты³³.

Если Бонапарт брал с собой в Египет целую группу художников, то Луи-Филипп не послал на Святую Елену даже одного, который смог бы запечатлеть возвращение праха. Правда, сначала туда хотели отправить художника Ари Шеффера, но затем Луи-Филипп отказался от этой идеи, не желая обижать других живописцев³⁴. Уже была изобретена фотография, и Лас Каз решил взять с собой в экспедицию дагеротипный аппарат, который был приобретен за 1071 франков. Однако в ходе путешествия аппарат вышел из строя, и использовать его не удалось³⁵.

18 октября «Бель Пуль» отправился в обратное плавание и 30 ноября бросил якорь в Шербуре. Далее гроб в Гавр повез корабль «Нормандия», где эстафету приняла «Дорада». Последний этап водного пути по Сене от Руана до парижского пригорода Курбевау останки Наполеона проделали на маленьком речном пароходе, и 14 декабря в три часа пополудни были выгружены на берег. Нос «погребального корабля» украшали трехцветное знамя и католический крест³⁶.

На всем пути по берегам Сены стояли тысячи людей. Мамлюк Али так описывал это чувство всеобщего энтузиазма: «Император все еще властвовал над Францией и французами. Всем казалось, что его тело... вышло из склепа еще более величественным и ошеломляющим. О, Наполеон, какую бы ты испытал радость, если бы твои глаза увидели все то, что здесь происходит, и если бы твои уши услышали эти тысячи приветствующих тебя голосов!»³⁷

О церемонии похорон, происходившей в Париже необычно холодным днем 15 декабря (температура ночью опускалась до минус 15 градусов), оставили воспоминания многие свидетели: Виктор Гюго³⁸, Дельфина де Жирарден³⁹, герцогиня Доротея

---

³³ Ibid. P. 163-164.

³⁴ Ibid. P. 39.

³⁵ Ibid. P. 163-164.

³⁶ Ibid. P. 229.

³⁷ *Mameluck Ali. Journal inédit du Retour des Cendres 1840.* P., 2003. P. 212.

³⁸ *Гюго В. Посмертные записки. 1838—1875.* М., 2007.

³⁹ *Жирарден Д., де. Парижские письма виконта де Лоне.* М., 2009.

де Дино⁴⁰, княгиня Д.Х. Ливен⁴¹, мамлюк Али. Дипломатический корпус в большинстве своем отклонил приглашение короля присутствовать на церемонии перезахоронения одним «узурпатором» другого «узурпатора». Помимо прочего, дипломатам претил титул «император», фигурировавший в приглашениях⁴². Европа, таким образом, отказывалась признавать культ Наполеона, против которого ранее сражалась. Впрочем, если дипломаты и не присутствовали на церемонии, то внимательно за ней наблюдали, как, например, австрийский дипломат граф Рудольф Аппоньи, племянник посла, прекрасно все видевший с балкона особняка на Елисейских полях⁴³.

Современники, а вслед за ними и историки, нередко критически отзывались об эстетике этой церемонии, видя в ней пример «дурновкусия» эпохи. К примеру, тот же Виктор Гюго назвал это событие «монументальной галиматьей». Но я согласна с мнением Ж. Пуасона, что нужно быть более снисходительным к художественным вкусам эпохи Луи-Филиппа. Труд архитектора Луи Висконти (который станет автором саркофага⁴⁴) и Анри Лабруста, по его мнению, заслуживает реабилитации, как и многие другие художественные произведения того времени⁴⁵.

На религиозной церемонии, в которой было мало религиозного чувства и в ходе которой все только и говорили что о холоде, рядом с королем и его семьей находились Тьер, Гюго, Бальзак, Мюссе, Бодлер, Теофиль Готье. А вот Ламартин и Шатобриан заранее предупредили о своем отсутствии. А. Дюма и Стендаль находились в Италии. Ветеранов в церковь не допустили, хотя там были и орлеанисты, и легитимисты. Иными словами, не было именно тех, кто, действительно, любил императора. Поэтому Мамлюк Али, оставивший свои воспоминания об этом событии, принципиально не стал ничего писать о церемонии в соборе Инвалидов. По его словам, ей не хватало благопристойности: «На спектакле в опере больше внимания и тишины, чем было 15 декабря в Инвалидах <...> Церемония закончилась, король с семьей ушел; все спешили по домам, как после театрального представления»⁴⁶.

⁴⁰ *Dino Dorothée* (duchesse de Talleyrand et de Sagan). *Cronique de 1831 à 1862*. P., 1909. Т. 2.

⁴¹ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // *Русская старина*. 1903. № 12.

⁴² *Poisson G.* Op. cit. P. 268.

⁴³ *Apponyi R.* Les Français envient notre bonheur. *Journal*. 1826—1848. P., 2008.

⁴⁴ Об экспедиции, связанной с доставкой камня для саркофага см.: *Таньшина Н.П., Борисёнок Ю.А.* Саркофаг Наполеона из «русского порфира» // *Родина*. 2018. № 5. С. 105-109.

⁴⁵ *Poisson G.* Op. cit. P. 245.

⁴⁶ *Mameluck Ali.* Op. cit. P. 214-215.

Каковы же были результаты этого пропагандистского маневра? Помогло ли это Луи-Филиппу укрепить режим? Было ли это решение «короля-гражданина», который все больше и больше становился королем и все меньше и меньше гражданином, «величайшей политической ошибкой», как о том позднее говорили? Да, если принять во внимание, что спустя восемь лет к власти придет племянник Наполеона. По мнению французского историка Г. Антонетти, Луи-Филипп играл с огнем, освобождая демонов, действовавших против него и в пользу другого «любителя прошлого», который в тот момент еще только ждал своего часа в крепости Ам⁴⁷. По словам другого исследователя, К. Модуи, Июльская монархия воспользовалась народной страстью, вызванной воспоминаниями о Наполеоне, но эта же легенда взрастила в ее недрах и бонапартистскую оппозицию⁴⁸. Действительно, две попытки бонапартистского заговора совпали с апогеем культа Наполеона во Франции. Пусть они и окончились неудачей, Луи-Наполеона они утвердили в мысли о его особом призвании и заставили задуматься об изменении тактики прихода к власти⁴⁹.

Однако гораздо более вероятно, что для самого Луи-Филиппа его отказ от либерализации режима и расширения избирательного права в гораздо большей степени стали причиной кризиса режима и его дальнейшего краха, нежели культивирование «наполеоновской легенды». Принц-либерал, казалось бы, открытый передовым идеям, со временем превратился в авторитарного правителя, неспособного реалистично оценивать свое положение. Наполеон III учтет этот урок спустя двадцать лет и сможет трансформировать свой режим, опираясь на поддержку огромного большинства французов, но, в противоположность Луи-Филиппу, ввяжется в войну, закончившуюся для него и всей Франции катастрофой.

Вместе с тем, справедливо отмечал Ф. Дарриула, вводя Наполеона в Пантеон национальных героев, Луи-Филипп рисковал пробудить у французов неблагоприятные для себя чувства и вызвать невыгодные для себя сравнения⁵⁰. Прославление побед Наполеона являлось для противников Луи-Филиппа дополни-

---

⁴⁷ Antonetti G. Op. cit. P. 819.

⁴⁸ Mauduit X. Op. cit. P. 269.

⁴⁹ Hazareesingh S. Op. cit. P. 254.

⁵⁰ Darriulat Ph. Op. cit. P. 133.

тельным аргументом в их критике осторожной и компромиссной внешней политики Июльской монархии⁵¹.

Не способствовала операция по перезахоронению останков Наполеона и укреплению престижа семьи Луи-Филиппа, несмотря на то, что популярность принца Жуанвильского в обществе еще больше возросла. Однако сам он, по словам современницы событий, мадам Адель де Буань, был не особенно этим польщен и иронично называл экспедицию «путешествием извозчика»⁵². На суше принц быстро заскучал и добился разрешения вновь оказаться на своем фрегате. А последовавшая спустя два года трагическая гибель популярного в народе наследника престола, герцога Фердинанда Орлеанского, еще больше ослабила позиции режима в общественном мнении.

Не способствовала эта акция и легитимации власти Луи-Филиппа в глазах Европы. Ж. Пуасон называл подобное напоминание европейским державам о Наполеоне психологической ошибкой Луи-Филиппа. По мнению историка, возвращение останков Наполеона стало поворотным пунктом правления Луи-Филиппа и прелюдией к свержению его режима⁵³.

Июльская монархия присвоила себе «наполеоновскую легенду». Однако она не согласилась с возвращением во Францию изгнанных членов семьи Бонапартов. Когда Жером, бывший король Вестфалии, выступил с петицией против закона о ссылке, Виктор Гюго 14 июня 1847 г. высказался в его поддержку в Палате пэров: «Несомненно, история первых пятнадцати лет этого века — это история, которую сделали вы, генералы, почтенные ветераны, перед которыми я склоняю голову <...> Эта история известна всему миру, и, наверное, даже в самых отдаленных уголках земного шара нет человека, не знавшего бы об этом. Даже в Китае, в пагоде, среди фигур божеств, вы найдете бюст Наполеона!»⁵⁴.

В 1848 г. Луи-Филиппа смела Февральская революция, а Луи-Наполеон стал президентом Французской республики, чтобы спустя четыре года восстановить во Франции империю. И даже несмотря на ее крах и поражение в войне с Пруссией, имя Наполеона III в национальной памяти французов, наверное, более популярно, чем имя миролюбивого и осторожного Луи-Филиппа. Скука — это не

⁵¹ Ibid. P. 134.

⁵² *Boigne E.-A. Mémoires de la comtesse de Boigne. T. 1—2. P., 2005. T. 2. P. 614—615.*

⁵³ *Poisson G. Op. cit. P. 267.*

⁵⁴ *Mauduit X. Op. cit. P. 268-269.*

для французов. «Невозможно — это не по-французски», — Наполеон I это прекрасно понимал, и кружки с этой надписью сегодня можно приобрести в сувенирном музее Дома Инвалидов. Он зарядил французов мощнейшей порцией национального адреналина. И заряд этот сохраняет свое действие до сих пор...

Список литературы

- Гейне Г.* Собрание сочинений в 6 тт. М., 1982—1983. Т. 4. [*Gejne G. Sbranie sochinenij v 6 tt. M., 1982—1983. T. 4.*]
- Гюго В.* Посмертные записки. 1838—1875. М.: Кучково поле, Гиперборея, 2007. [*Guigo V. Posmertnye zapiski. 1838—1875. M.: Kuchkovo pole, Giperboreya, 2007.*]
- Жирарден Д. де.* Парижские письма виконта де Лоне. М.: Новое литературное обозрение, 2009. [*Zhirarden D. de. Parizhskie pis'ma vikonta de Lone. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.*]
- Княгиня Д.Х.* Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1903. № 12. [*Knyaginya D.H. Liven i ee perepiska s raznymi licami // Russkaya starina. 1903. № 12.*]
- Таньшина Н.П., Борисёнок Ю.А.* Саркофаг Наполеона из «русского порфира» // Родина. 2018. № 5. [*Tan'shina N.P., Borisyonok Yu.A. Sarkofag Napoleona iz «russkogo porfira» // Rodina. 2018. № 5.*]
- Тюлар Ж.* Наполеон, или миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2012. [*Tyular Zh. Napoleon, ili mif o «spasitele». M.: Molodaya gvardiya, 2012.*]
- Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. М., 2015. [*Cherkasov P.P. Aleksandr II i Napoleon III. M.: KMK, 2015.*]
- Antonetti G.* Louis-Philippe. P.: Éd. Fayard, 2002.
- Apponyi R. de.* Journal. 1826—1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. P.: Éditions Tallandier, 2008.
- Boigne E.-A.* Mémoires de la comtesse de Boigne. P.: Mercure de France, 2006. Т. 2.
- Chateaubriand F.-R. de.* De Buonaparte et des Bourbons. Ed. Arléa, 2004.
- Darriulat Ph.* Les patriotes. La gauche républicaine et la nation. 1830—1870. P.: Editions du Seuil, 2001.
- Dino Dorothee (duchess de Talleyrand et de Sagan).* Cronique de 1831 à 1862. P.: Plon, 1909. Т. 2.
- Kern E.* Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du premier empire. P.: Éditions SOTECA, 2016.

- Hazareesingh S.* La légende de Napoléon. P.: Seuil, 2008.
- Joinville, prince de.* Vieux souvenirs. 1818—1848. P.: Mercure de France, 2008.
- Jourdan A.* Mythes et légendes de Napoleon. P.: Éditions Priva, 2004.
- Mameluck Ali.* Journal inédit du Retour des Cendres 1840. P.: Tallandier, 2003.
- Martin-Fugier A.* Louis-Philippe et sa famille. 1830—1848. P.: Perrin, 2013.
- Mauduit X.* L'Homme qui voulait tout. P.: Autrement, 2015.
- Ménager B.* Napoléon du peuple. P.: Collection historique, 1988.
- La légende de Napoléon vue par Hugo, Dumas, Balzac, Stendal / Choix de textes par *Gérard Gengembre*. P.: Impr. Brodard & Taupin, 2002.
- Poisson G.* L'Aventure du Retour des Cendres. P.: Editions Tallandier, 2004.

«NAPOLEONIC LEGEND» AS A PART OF THE OFFICIAL IDEOLOGY OF THE JULY MONARCHY

The focus of the article is the development of the cult of Napoleon and the formation of the "Napoleonic legend" in France during the years of the July monarchy (1830-1848). King Louis-Philippe of Orleans, who came to the throne as "the king of the barricades", in an effort to legitimize his own power, legitimized Napoleon. Napoleonic legend has become, in fact, part of the official ideology of the July monarchy. The restoration of the statue of Napoleon on the Vendome Column, the transformation of Versailles into the National Museum of France and the opening of the Glory Gallery there, and, most importantly, the reburial of Napoleon's ashes on December 15, 1840 - all these are evidences of Napoleonic worship. The article concludes that all these events hardly helped Louis-Philippe to strengthen his power, and comparisons with Napoleon were clearly not in his favor.

Keywords: Napoleonic legend, Napoleonic cult, Napoleon Bonaparte, King Louis-Philippe, July Monarchy

*Natalia Tanshina, Dr Hab. (History),
professor of the Department of General History of the
Institute of Social Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration;
Leading Researcher of the Laboratory of
Western European and Mediterranean Historical Studies
at the State Academic University for the Humanities*